ИСКУССТВО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Каждый театр, пусть даже самый небольшой, должен вносить что-то новое, свое, оригинальное в общую сокровищницу советской культуры. Мысль эта, волнующая работников многих коллективов, представляется мне признаком отрядных перемен на периферийной сцене. Отсюда идет более высокая требовательность к своему труду, ощущение высокой гражданственности искусства, стремление к созданию идейно насыщенного, интеллектуального произведения, несущего зрителю большую и умную правду о современности.

Чего греха таить, кое-где еще существует представление об «идейной» пьесе как о чем-то заведомо скучном, унылом, неспособном увлечь и захватить зрителя. На этой основе рождается противопоставление «идейной» пьесы «кассовой» — причина многих затруднений в деятельности театров.

В наши дни подлинно нужным народу оказывается спектакль, который поднимает новые, свежие пласты жизни, вызывает серьезные раздумья, споры. Компромиссы в любую сторону обязательно приводят к провалам — и когда в расчете привлечь зрителя берутся за дешевую мелодраму или примитивный детектив, и когда выбирают иллюстративную пьесу, где идея лежит на поверхности, не будучи облечена в плоть и кровь художественных образов.

Показательны трудности, возникшие в Рубцовском драматическом театре. Сезон открылся слабой пьесой Л. Митрофанова «Тысяча вторая ночь», которая скоро сошла со сцены. Стремясь выправить положение, коллектив обратился к «Третьей голове» М. Эмэ, далеко не лучшей пьесе современного западного репертуара. Не спасла положения и следующая постановка — «Паутина», где важная антирелигиозная тема решается в крайне наивной и беспомощной форме в виде цестрого калейдоско-

па всевозможных ужасов. И сегодня театр всерьез задумывается над тем, что, видимо, многое следует пересмотреть в своей работе, что стоит снять с афиши некоторые названия вроде «Убийства в отеле Ритц» и заменить их значительными произведениями классического и современного репертуара.

Иногда говорят, что районному театру не под силу постановка сложных спектаклей, что его дело — не развивать театральное искусство, а обслуживать массового зрителя. Сама жизнь все настойчивее опровергает такое надуманное противопоставление. Когда Стерлитамакский театр решил включить в репертуар «Гамлета», раздались предостерегающие голоса. Но режиссер Е. Меркулович увлек артистов трудностью и благородством поставленной задачи. Конечно, спектакль, который мне пришлось увидеть в Стерлитамаке, не свободен от недостатков. В главном же труппа оказалась на высоте. Привлекает умное, во многом своеобразное режиссерское решение, тонкая, проникновенная игра Л. Спасского — Гамлета, напряженная, взволнованная, по-настоящему шекспировская атмосфера спектакля.

Во многих коллективах стремление к созданию «театра единомышленников» находит свое выражение в ориентации на тонкую психологическую пьесу, поднимающую большие нравственные проблемы. Это чувствуется, например, в Алтайском краевом драматическом театре, включившем в свой репертуар вслед за «Четвертым» К. Сиимонова «Мать» К. Чапека, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Пятую колонну» Э. Хемингуэя. Правда, в подобном сочетании невольно ощущаешь известную односторонность. Хотелось, чтобы активнее было обращение к пьесам о нашей современности. Требование вполне законное: репертуарные затруднения не могут

быть сегодня оправданы тем, что, мол, нечего ставить. Последний год принес немало настоящих, острых, интересных пьес.

Театру, который стремится к утверждению на сцене интеллектуального начала, не всегда оказывается так уж просто полностью завоевать зрителя. Слишком много бездумного смеха было в наших театрах в недавние годы. Мне приходилось, например, наблюдать в Барнауле, как на спектакле «Четвертый», поставленном талантливо и интересно, несколько человек шумно покинули зал во время действия, выражая этим свое неприятие необычной формы пьесы и постановки. Но зато, когда после окончания началось обсуждение спектакля, осталась подавляющая часть зала, и надо было слышать, какие тонкие, умные замечания, а главное — слова одобрения и поддержки раздавались в адрес коллектива, взявшегося за трудную, своеобразную пьесу.

«Не огорчайтесь тому, что несколько зрителей ушло с вашего спектакля, — взволнованно говорила пожилая учительница, приехавшая в Барнаул из далекого целинного района, — ушли те, кто привык в театре не думать, отдыхать. А здесь безмятежно отдыхать было некогда. Весь спектакль мы жили в огромном напряжении, всем существом отдавшись тому, что происходило на сцене». «К нам в район, — продолжала она, обращаясь к артистам, — вы часто возите на гастроли «параллели», легкие, бездумные пьесы. А мы хотим, чтобы вы привозили побольше спектаклей, похожих на сегодняшний».

«Когда я шел сегодня в театр, — говорил другой зритель, — мне сказали, что будет спектакль о войне. А оказалось, что спектакль этот — о совести, и в нем звучит много таких мыслей, над которыми стоит задуматься всем нам».

Активное, боевое вмешательство в жизнь характеризует многие теа-

тральные коллективы. Но для того, чтобы стать «театром единомышленников», нужно прежде всего четко определить гражданственную направленность своего творчества. К этому стремятся сегодня в Томском драматическом театре. Здесь сложилась ведущая группа ярких, талантливых мастеров, связанных общностью взглядов: главный режиссер М. Юфа, главный художник, заслуженный деятель искусств РСФСР С. Постников, заслуженные артисты РСФСР Т. Лебедева, А. Ратомский и другие. В новом сезоне в труппу пришло много способной молодежи, которая с увлеченностью взялась за свой первый «молодежный» спектакль — «Современные ребята». И единение в главном — в понимании своих гражданских задач — ярко сказалось в этой работе томичей.

Немало пришлось сделать режиссеру для того, чтобы преодолеть очевидные слабости пьесы М. Шатрова: ее плакатность, известный схематизм в обрисовке характеров и сюжетных линий. Но в результате исполнители сумели увлечься тем, что в пьесе ценно: горячей публицистичностью, стремлением раскрыть во всей сложности процесс становления духовного мира нашего молодого современника.

Разумеется, не все одинаково хорошо в спектакле. «Московские» сцены получились значительно слабее. В них актерам не удалось передать напряженное бие пульса жизни. Несинтересны положительный Игорь (В. Богданов) и отрицательный Костя (В. Налобин). Способный молодой артист Д. Саломатин явно не справился с образом Володи.

Зато сцены на Ангаре решены режиссером М. Юфой в мажорном ключе, с великолепными находками, с безудержным юмором и задором. Эта атмосфера одержимости, увлеченности своим делом помога-

ет выявлению напряженной внутренней жизни героев, в суровых испытаниях обретающих свое гражданское мировоззрение. Всматриваясь в споры и раздумья «современных ребят», зритель проникается сердечной симпатией и к женственной, пленительной Оксане (Г. Лаврова), и к нежной, не сгибающейся от трудностей Маришке (С. Наливкина), и к задумчивому искателю истины Феликсу (Д. Ковнат), и к ироническому, тяжеловесному Семену (В. Сазонтов), и к задорному, непосредственному Павлику (А. Хлебников). В «ангарских» картинах нас все время не покидает ощущение подлинности происходящего на сцене.

Хорошо, если Томский театр не остановится в своих поисках, а будет и дальше развивать то лучшее, что найдено им в последнем спектакле. И прежде всего — чувство современности, которое выражается не в отдельных атрибутах «современного стиля», а в большой правде сегодняшней жизни, в красоте и силе характеров наших людей.

Все более проникаются сегодня работники советского театра пониманием того, что злоупотребление внешними приемами, безудержное увлечение условностью на сцене нередко скрывают бедность и примитивность содержания. Не приверженностью к той или иной стилистической манере определяется творческое лицо коллектива, а прежде всего — его гражданская зрелость, смелость в обращении к большим жизненным вопросам сегодняшнего дня. А это, как правило, ведет за собой и зрелость творческую, и смелость в овладении подлинно новаторскими приемами, служащими выражению того большого современного содержания, ради которого и существует советское искусство.

В. РОГОВИН.